

Корнелис Вресвик

Тексты песен

*Перевод со шведского и вступление **Андрея Щеглова***

Читатели «Плавучего моста» уже знакомы с некоторыми образцами творчества Корнелиса Вресвика – поэта, автора-исполнителя, актёра. Он родился в Нидерландах, в юности переехал в Швецию. В начале 1960-х годов стал выступать с концертами и публиковать стихи; вскоре получил признание как бард. Песни Вресвика по сей день любимы в Швеции, которая стала подлинной родиной артиста. Многие тексты Вресвика образуют циклы, где действуют одни и те же герои. Главный из этих героев – Приятель Пер – чудака, путешественник, поэт.

В настоящую подборку вошли русские переводы нескольких песен, относящихся к наиболее популярным произведениям Вресвика. Все эти переводы публикуются впервые.

Андерс-дьявол

Андерс-дьявол – это я, это я.
Андерс-дьявол – это я, это я.
Андерс-дьявол – это я,
И сегодня казнь моя.
Так решил на днях судья, черт возьми!

Я зарезал четверых, четверых.
Я зарезал четверых, четверых.
Я зарезал четверых.
Коль в аду я встречу их,
Ох, и дам я им под дых, черт возьми!

Вот я рядом с палачом, с палачом.
Вот я рядом с палачом, с палачом.
Вот я рядом с палачом
С капюшоном и с плащом
И с наточенным мечом, черт возьми!

И священник тоже тут, тоже тут.
И священник тоже тут, тоже тут.
И священник тоже тут;

Всё твердит про Страшный суд.
Да ведь врет, как все тут врут, черт возьми!

Крошка Карин тоже здесь – вот так да!
Крошка Карин тоже здесь – вот так да!
Крошка Карин, вот так да.
Я любил ее всегда.
А смотри-ка, как горда, черт возьми!

Вы всё ждете – закричу, закричу.
Вы всё ждете – закричу, закричу.
Вы всё ждете: закричу.
А смотрите – я молчу
И улыбкой вам плачу, черт возьми!

Так прощайте навсегда, навсегда.
Так прощайте навсегда, навсегда.
Так прощайте навсегда.
Не сбежишь тут никуда.
Вот такая ерунда, черт возьми!

Баллада о старом наркомане

В участок наш
в центре города –
послал же такого Бог! –
доставили его,
едва живого.
Стеклянные глаза на нас тарацил,
и не мог
ни пропищать,
ни прохрипеть ни слова!

«Пусть в одиночной камере
валяется тогда»!
Матрас он залил кровью на рассвете...
Потом он все же стал вставать,
ходить туда-сюда
с опаскою,
как маленькие дети.

И вот однажды нам письмо
подбросил этот тип.

И что ж он
нацарапал
на конверте!

«Ребята,
убедительная просьба:
отпустить.
Ботинки вам пожертвую,
поверьте»!

Все покатались со смеху.
Начальник озверел
и рывкнул так,
что звякнула посуда:
«Он, верно,
издевается над нами!
Как посмел?
Приди в себя,
тогда катись отсюда»!

Но все-таки
письмо мы дочитали до конца.
И мы прочли:
«Послушайте, ребята!
Я был отрадой матери
и гордостью отца:
ведь я прекрасным принцем был когда-то!

Но как-то я попробовал.
И были наяву
мне грозные и дивные виденья.
И стал одним из тех я,
что живут аки в хлеву
и бродят по земле,
как привиденья!

Я понял, что судьба моя –
покинуть мой дворец.
А все мое законное наследство

забрал себе какой-то
проходимец и наглец,
который вскоре пропил эти средства.

Отец от гнева умер,
слегла от горя мать,
и братья со мной знаться перестали.
А мне плевать,
а мне бы только песню напевать
в моей дыре
в сомнительном квартале!

Потом расстался с голосом –
с последним, что имел.
Но женщину,
что мной была любима,
Адамов грех,
.запретный плод
я получил взамен...
Я выжат весь.
Мне жить невыносимо».

Окончилось письмо.
От слез у всех мокры глаза.
И сам начальник ухнул:
«Ладно, что ли!
Отпустим, так и быть.
Он все равно придет назад».
И умер он
на улице,
на воле.

И было нам явление.
Раздался глас с небес:
«Вы все во лжи погрязли,
лицемеры!
А этот славный принц –
он принял жизнь такой как есть,
и заслужил блаженство он без меры!»

От Бога в нашем городе
народ давно отвык,
Не поминает Бога даже всуе.
Но все-таки
 полсотни
 ошалелых забулдыг
прониклись
и вскричали:
 «Аллилуйя»!

И ангелы
 то сердце,
 что носил в груди наш принц,
на небо
 в целлофановом мешочке
с собою унесли –
и в тот пакет вложили шприц...
Ну вот и все.
Пора поставить точку.

Пара штиблет

Кто-то обут – молвить смешно! –
В пару дряных штиблет.
Богу в раю давно все равно,
Кто как обут и одет.

Боженька спит сладко в раю,
Он и вставать перестал.
Кто поглядит на обувь твою,
Если ты стар и устал?

Кто будет помнить наши пути?
И через сотню лет
Жизнь будет все идти и идти,
Только тебя уже нет.

Кто-то другой в доме твоём,
Может, живет давно.

Может – один, может – вдвоем.
Это уж все равно.

Где она, цель наших путей?
Я – за итог любой,
Только б лицо милой моей
Видеть перед собой.

Я ведь гожусь мало на что;
Беден – так поделом.
Я вот одно знаю зато:
Смерть моя за углом.

Миг – и окончит долгий свой путь
Пара моих штиблет.
Черту в аду будет любо взглянуть:
«Надо ж, какой скелет»!

Пряатель Пер влюбился

Пряатель Пер – на кой ему ляд! –
Сдуру влюбился: туманный взгляд,
Белый крахмальный воротничок,
Лепет бессвязный – совсем дурачок!

Анн-Катарин Русенблад,
Прима-красавица наших пенат,
Блещет красую – другим не в пример.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

Бел воротник и туманен взгляд,
Сердце трепещет, щеки горят.
Ох, и испил он чашу до дна.
Только Анн-Катарин холодна.

Анн-Катарин Русенблад!
Кто в нее влюбится – будет не рад.
Тверже она, чем гранит наших шхер.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

«Как-то сидели мы с ней на тахте
И поглощали почти в темноте
Небезобидное вовсе питье.
Господи, сколько ж влезает в нее!»

Анн-Катарин Русенблад
Хлещет коньяк и жрет шоколад
Запросто так, без всяких манер.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

«Дал я любимой концерт небольшой.
Пел под гитару с чувством, с душой.
И за труды попросил поцелуй.
И получил по губам, как холуй».

Анн-Катарин Русенблад!
Не размягчить ее пеньем рулад.
Влепит по морде – держись, кавалер!
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

«Но для любви ведь преграды нет.
Дама сначала сказала: “Ах, нет!”,
А после сказала: “Ну, хорошо!”,
И сразу стало все хорошо».

Анн-Катарин Русенблад:
Тоже и ей захотелось улад.
Все – по законам подобных афер.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

«Только любовь была недолга:
Дамочка смылась – и вся недолга.
Дамочка где-то порхает вдали,
А я остался совсем на мели».

Анн-Катарин Русенблад!
Страсть к ней немалых требует трат.
Счастья на грош, а расходы сверх мер.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

Пер все такой же – на кой ему ляд! –
Бел воротник и туманен взгляд.
Ох, и испил он чашу до дна.
Ну, а Анн-Катарин – вновь холодна.

Анн-Катарин Русенблад –
Первая... сам понимаешь, брат.
Да и мегера притом из мегер.
«Ох, ну и стерва!» – воскликнул Пер.

Соня и Сив

С прелестными девицами я с неких пор знаком.
Одна была бывалой, другая первачком.

Одна стройна как серна, другая в телесах.
Девчонка просто прелесть, бабенка просто ах.

Бабенку звали Соня, девчонку звали Сив.
Меня любили обе, друг друга не спросив.
Ага, мой друг любезный! Ты хочешь, я гляжу,
Узнать, как к ним проехать? Нет, дудки, не скажу.

А дело было вот как: я гнал велосипед,
В пути кафе заметил, подумал: «Спешки нет,
Зайду-ка, чашкой кофе понаслаждаюсь там».
И тут-то я увидел роскошный Сонин стан.

Я взглядом зал окинул, нашел свободный стул,
Уселся, скрипку вынул и мастерством блеснул.
Сыграл задорно польку, и Соня расцвела.
А Сив в награду розу из кухни принесла.

Запал девицам в душу концерт короткий мой.
Лишь только я собрался отправиться домой,
Они взмолились обе: «Останься, поживи!»
И взоры Сив и Сони пылали от любви.

С тех пор и прохлаждаюсь я в этом цветнике,
И в зале появляюсь со скрипкою в руке,
И польку непременно играю я для всех,
И номеру бесценно сопутствует успех.

Примечание:

Щеглов Андрей Джолинардович – историк-скандинавист, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Родился в 1969 году в Москве. Как поэт печатается с 1997 года. Переводил и публиковал стихи классиков шведской и финляндской литературы – Карин Бойе, Гуннара Экелёфа, Тумаса Транстрёмера, Юхана Людвига Рунеберга, Эдит Сёдергран. В серии «Памятники исторической мысли» опубликован его перевод поэтической «Хроники Энгельбректа» (XV век) и перевод «Шведской хроники» Олауса Петри (XVI век). Поэтические переводы и оригинальные стихи Щеглова печатались в журналах «Иностранная литература», «Арион», «Плавучий мост», «Новая литература», «Эрфольг» и в других изданиях. Член Союза переводчиков России и Российского союза писателей.